

ЦЕРКОВНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ДНИ ОКТЯБРЯ

Р. Ю. Плаксин

Великая Октябрьская социалистическая революция не только навсегда покончила с эксплуатацией трудящихся масс России: она нанесла сокрушительный удар и по освящавшей эту эксплуатацию церкви. Представители всех религиозных направлений и прежде всего представители господствующей в России православной церкви являлись идеологической силой, поддерживавшей эксплуататоров. Вот почему с первых же дней революции церковники обрушились против нее и словом — потоками злобной брани и клеветы на революционных рабочих и крестьян, и делом — активно выступая с оружием в руках против революционного народа.

На октябрьские события церковь откликнулась посланием «По поводу междоусобной распри», в котором объявляла революцию восстанием одной части войска и народа, обольщенной обещаниями земных благ и скорого мира, против другой; церковники запугивали массы грядущими бедствиями гражданской войны, осыпали проклятиями большевиков, называя их «изменниками родины», «чинящими неслыханное предательство России и верных союзников наших»¹, призывали воевать с революцией с помощью оружия. «Святые отцы» заявляли в те дни: «В отношении большевизма ни один класс общества и ни одно сословие не оказались столь непримиримыми и непреклонными, как церковь с ее духовенством»².

«Лишь только прошло несколько дней после низложения временного правительства,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— как всюду стало слышаться, что священники выступают в проповедях и другими способами против советского режима»³. В Петрограде появились расклеенные на домах и заборах прокламации, в которых церковники проклинали Советскую власть и призывали на головы большевиков «гнев божий»⁴.

Большую активность церковники развили в Москве, на территории которой находилось в то время около 700 церквей и 25 монастырей. Колокольни церквей с благоволения духовенства использовались в качестве пулеметных гнезд для борьбы с революцией. Юнкера, заняв храм Христа-спасителя, «поставили наверху пулеметы и, кроме пулеметов, стреляют оттуда из винтовок разрывными пулями»⁵. Огневые точки были оборудованы на колокольне Василия Блаженного, на Иверских воротах и на ряде других церковных сооружений. После захвата юнкерами Кремля, превращенного в центр московской контрреволюции, он был окружен сплошным кольцом пулеметных гнезд, защищавших отовсюду подступы к нему. Своеобразными маленькими крепостями с пулеметными точками, господствовавшими над районами Пресни и Ха-

¹ «Всероссийский церковно-общественный вестник», № 149, 21 ноября 1917 года.

² См. Б. Кандидов. Церковь и гражданская война на юге. М. 1931, стр. 20.

³ В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Т. I. М. 1959, стр. 256.

⁴ См. там же.

⁵ «Социал-демократ», № 197, 1 ноября 1917 года.

мовников, являлись Иверская часовня, Зачатьевский монастырь, церкви на Остоженке, Поварской и Б. Никитской улицах, на Кудринской площади. Путь к Кремлю со стороны Сокольников преграждали пулеметы на церквях Китайгорода и Мясницкой улицы; со стороны нынешнего Бауманского района и Замоскворечья — на колокольне храма Василия Блаженного. За пулеметами, вспоминают участники октябрьских боев, нередко, помимо юнкеров, можно было увидеть «святых отцов»⁶.

Вместе с тем духовенство оказывало сопротивление рабочим, когда те пытались использовать церкви для защиты революции. Так, священник Покровской церкви заявил красногвардейцам, которым понадобилось оборудовать артиллерийский наблюдательный пункт на колокольне, что не допустит превращения храма в орудие боя, и наотрез отказался дать ключи от входной двери. Между тем еще во время декабрьских событий 1905 г. именно на этой колокольне царские жандармы установили один из пулеметов, направленных против революционных рабочих.

В воспоминаниях участников октябрьских боев в Москве описаны факты, свидетельствующие о том, что церковники призывали юнкеров расправляться с революционными рабочими и солдатами и сами принимали участие в этих расправах. После захвата 28 октября юнкерами Кремля один из «святых отцов», вспоминает солдат Иван Фадеенков, говорил, указывая на красногвардейцев и на пулемет: «Поставить их вот под это, всех сволочей»⁷. О том, как духовенство принимало непосредственное участие в расправе над революционными солдатами — защитниками Кремля, писал впоследствии другой очевидец, красногвардеец П. Страхов⁸.

Не оставались в стороне от попыток контрреволюции подавить Октябрьское вооруженное восстание в Москве и члены Всероссийского церковного собора, открывшегося в Москве еще в августе 1917 года. В центральной и местной церковной печати появились в те дни статьи, написанные участниками собора, под характерными заголовками: «Среди московских ужасов», «На спасение родины», «Обличительный голос», «Захват большевиками чудотворного образа богородицы». Во имя победы контрреволюции «святые отцы» прибегали к дезинформации. На заседании собора 28 октября тамбовский архиепископ Кирилл, стремясь подбодрить буржуазию и юнкеров и запугать революционных рабочих и солдат, заявил: «Идут на помощь казаки из Киева, получена телефонограмма из Петрограда от Керенского, что Петроград взят правительственными войсками и восстание большевиков ликвидировано»⁹.

Утром 2 ноября, когда победа восстания в Москве была уже бесспорна, руководители собора, надеясь спасти силы контрреволюции от окончательного разгрома, направили в Московский военно-революционный комитет депутацию с предложением «водворить мир». В составе депутации были митрополит Платон (впоследствии активный участник белогвардейщины Деникина и Врангеля, организовавший в 1920 г. в Одессе «священные отряды» из уголовных преступников), архиепископ Дмитрий (у Врангеля был председателем контрреволюционного церковного управления), епископ Нестор (впоследствии верный прислужник Колчака), священники Бекаревич и Чернявский. В разговоре с членом ВРК Соловьевым глава депутации митрополит Платон неоднократно выражал опасения за жизнь юнкеров, засевавших в то время в

⁶ См. А. Литвейко. «Юность», 1957, № 3, стр. 12—16.

⁷ См. Б. Кандидов. Церковь и Октябрьская революция. М. 1933, стр. 6.

⁸ См. Б. Кандидов. Октябрьские бои в Москве и церковь. М. 1931, стр. 10—11.

⁹ «Ежегодник» Музея истории религии и атеизма (далее «Ежегодник» МИРА), 1961, № 5, стр. 208.

Кремле. Примечательно, что, когда юнкера расправлялись с революционными рабочими и солдатами, «святые отцы» не проявляли беспокойства по этому поводу.

Духовенство пыталось защитить погибавшую контрреволюцию и более активными способами. В тот же день, 2 ноября, председатель собора московский митрополит Тихон огласил на заседании предложение, подписанное 30 членами собора, «совершить крестный ход с участием всего сонма святителей, духовенства и мирян вокруг того района, где происходит кровопролитие, причем желательнее, чтобы к этому крестному ходу присоединялись со своими святынями духовенство и прихожане стоящих на его пути храмов»¹⁰. Многие члены собора не только горячо поддержали это предложение, но и сочли, что крестному ходу нужно придать еще более представительный характер. Священник Нежинцев предложил составить «в кратких, но сильных словах» воззвание ко всему русскому народу, отпечатать его в соборной канцелярии в 10 тысячах экземпляров и во время крестного хода раздавать народу. В воззвании, говорил Нежинцев, надо заявить, что собор решил организовать великое земское ополчение и призывает всех верующих «от мала до велика» «выступить на защиту родины», отдав «все и самое жизнь на защиту родины». В проекте воззвания собор взывал к верующим и духовенству: «Настает момент, когда надо отдать все. Не шадите ничего, отдайте все имущество монастырей, отдайте золото, драгоценные камни, жемчуг, драгоценные ризы, дорогие раки, все отдайте на спасение родины!»¹¹. Член собора князь А. Чагадаев, выступая в защиту предложения Тихона, также призывал собор к активным действиям против революции: «...иди, спасай Москву, священный собор, и оправдай доверие русского народа! Это наш долг»¹². И если собор все-таки не осуществил этой контрреволюционной затеи, то только потому, что большинство его участников уклонилось от открытых активных выступлений против революции. «Мы можем попасть под перекрестный огонь... Может быть и насилие», — заявил один из них. «Крестный ход — великое дело... но тем не менее сейчас нецелесообразно ввиду возможности попасть под обстрел», — говорил другой. Откровенно высказался архимандрит Вениамин, заявив: «И я высказываюсь против крестного хода. Теперь мы переживаем такое время, когда человек не ручается за себя: сделай осторожный шаг, и жизнь висит на волоске. Вы скажете мне, что это трусость... Да, мне жизнь дороже»¹³. Не отважившись организовать крестный ход, участники собора ограничились принятием обращения к руководящим революционным органам Москвы, в котором «умоляли» «победителей не допускать никаких актов мести, жестокой расправы и во всех случаях щадить жизнь побежденных»¹⁴. Когда Кремль был освобожден от белогвардейцев, «святые отцы», беспокоясь за жизнь юнкеров, «потребовали», да еще «от лица русского народа», свободы для них, заявив, что те, кто «хоть один палец» затронет у юнкеров, «будут отвечать перед всей Россией»¹⁵.

Силы православной церкви к началу Великой Октябрьской социалистической революции были весьма значительны: она располагала 200 с лишним тысячами священнослужителей и имела около 50 тысяч своеобразных «агитпунктов» — церквей. Часть этой армии с первых же дней Октября двинулась на защиту свергнутых революцией эксплуататорских классов, приняла самое активное участие в антисоветской борьбе. В сложившихся вскоре после Октябрьской революции условиях, ко-

¹⁰ См. Б. Кандидов. Октябрьские бои в Москве и церковь, стр. 20—21.

¹¹ См. там же.

¹² См. там же, стр. 21—22.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ «Ежегодник» МИРА, 1961, № 5, стр. 212—213.

гда буржуазно-помещичьи партии были распущены, а их газеты закрыты, религиозные объединения и продолжавшие издаваться церковные газеты и журналы приобрели особое значение для борьбы контрреволюционеров с Советской властью.

Чтобы еще больше активизировать контрреволюционную деятельность церкви, заседавший в Москве собор сразу же после революции поспешил осуществить выдвинутую ранее духовенством идею — восстановление патриаршества. Этот акт рассматривался всеми контрреволюционерами как важнейшая мера для сплочения антисоветски настроенного духовенства и организации его борьбы с Советской властью. Об этом откровенно говорилось и на соборе. «Всемирная могучая антихристианская организация активно стремится опутать весь мир и устремляется на православную Россию. Но когда объявлена война, нужен еще и вождь, и этот вождь нужен и нам во время нашей войны»¹⁶ говорил один из активных членов собора, Востоков. И. И. Скворцов-Степанов писал в те дни: «Светского царя народ свалил, так помещики и капиталисты ищут прибежища у царя в митре и рясе»¹⁷.

30 октября собор постановил приступить немедленно к избранию трех кандидатов в патриархи, и уже 4 ноября они были намечены. Все трое вполне могли оправдать надежды, которые возлагала на них контрреволюция. Первым по числу поданных за него голосов был известный черносотенец, махровый реакционер, впоследствии один из вождей белогвардейского духовенства, харьковский архиепископ Антоний (Храповицкий). Вторым кандидатом являлся новгородский архиепископ Арсений (Стадницкий). Член царского Государственного совета, известный реакционер и мракобес, один из столпов православной церкви, Арсений, не раз председательствовал на заседаниях собора, где он заявил: духовенство живет одной жизнью с помещиками, и «сословных различий между ними нет»¹⁸. В речи по поводу смерти черносотенца и реакционера киевского митрополита Владимира, расстрелянного позднее за контрреволюционную деятельность рабочими и солдатами Киева, Арсений, «почтив» память этого «святителя, убиенного злодейскими руками», призвал верующих «идти до конца путем служения долгу (контрреволюции. — Р. П.), даже до смерти»¹⁹. Наконец, третьим по числу поданных за него голосов был московский митрополит Тихон (Белавин), личность, как писал о нем Г. В. Чичерин, «ярко черносотенная, бывший председатель союза русского народа в Ярославле, участник совещания монархистов 1916 г., выработавшего меры для борьбы против прогрессивного блока»²⁰.

В ходе торжественной процедуры члены собора определили, на кого же из избранных ими кандидатов укажет «перст божий». «Перст божий» (жребий) указал на Тихона. Приветствуя новоизбранного патриарха, представители духовенства и мирян в один голос говорили, что главная задача, которая стоит перед ним, — это возглавить борьбу с Советской властью. Протоиерей Успенского собора Н. Любимов сказал, например: «Сколько подводных камней стоит на пути плаванья церковного корабля по волнам житейского моря. Какие большие силы духовных разбойников, атеистов, материалистов, социалистов и тому подобных... стоят на пути. Но да не смущается сердце твое. Совершай твое дело. С тобою святые и некоторые нетленные мощи. А паства поможет. Не может быть, чтобы из 114 000 000 русского народа не было 7 000 праведников, кои не

¹⁶ См. А. Лунин. Октябрьская революция и церковь. М. 1925, стр. 11. •

¹⁷ И. И. Скворцов-Степанов. Избранные атеистические произведения. М. 1959, стр. 46.

¹⁸ См. Ем. Ярославский. Против религии и церкви. Т. I. М. 1932, стр. 390.

¹⁹ «Прибавления к Церковным ведомостям», 1918, № 9—10, стр. 340, 345.

²⁰ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 89, оп. 4, ед. хр. 160, л. 2.

преклонили колен своих перед современным Ваалом»²¹. Тихон заверил церковников в готовности оправдать возлагавшиеся на него надежды: «Патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и смертоносной борьбы. Вероятно, и само патриаршество принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных... Господь как бы говорит мне так: иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится русская земля. Возьми жезл. С ним овцу потерявшуюся отыщи, угнанную возврати, пораженную перевяжи, больную укрепи, разжиревшую и буйную истреби, паси их по правде»²². Так в аллегорической форме Тихон изложил довольно конкретную программу контрреволюционных действий, которые он намеревался предпринять для восстановления господства эксплуататорских классов, «ради коих еще пока стоит и держится русская земля». В течение всего времени, пока Тихон был патриархом, он всеми силами старался осуществить выдвинутую им программу. С самого начала он был ставленником контрреволюции, ее поборником и защитником. «Если возьмем руководящие директивы главы русской церкви, этого монарха духовного, этой частички Николая II, если возьмем его отзывы и реакцию на важнейшие моменты нашей русской жизни,— говорил в обвинительной речи на процессе контрреволюционного духовенства в Петрограде в 1922 г. П. А. Красиков,— то вы увидите, что они всегда были ударом по Советской власти, бросанием палок под колеса советского станка; это всегда есть занесенный нож в спину, начиная с воззвания священного собора, который выбрал этого патриарха; начиная с этого воззвания и кончая самым последним воззванием, вы увидите одну черту: это ненависть к рабоче-крестьянскому правительству и к новому строю, создаваемому трудящимися массами»²³.

Что же пишут и говорят современные деятели православной церкви о восстановлении патриаршества на Руси, о самой личности патриарха? Они называют Тихона «лучшим из лучших русских святителей»²⁴. Вопреки историческим фактам они заявляют, что «восстановление патриаршества явилось знаменем жизненности русской православной церкви и предверием ее возвращения в собственную сферу деятельности — в сферу забот о спасении душ, вверенных ее руководству»²⁵. «Наша патриаршая церковь,— утверждают они,— начиная с покойного Святейшего патриарха Тихона, и доселе неизменно признает Соввласть богоустановленной в СССР»²⁶.

С избранием патриарха антисоветская деятельность православной церкви значительно усилилась, стала организованней и планомерней. Как отмечал И. И. Скворцов-Степанов, «русская церковь на своем соборе получила царя и самодержца в лице патриарха Тихона. Суровая дисциплина, не уступающая по своей безусловности дисциплине казарменных армий, обеспечивала повиновение Тихону генерал-губернаторов (митрополитов), губернаторов (губернских архиереев), исправников (викарных епископов), станowych приставов (благочинных) и урядников (священников) с целой армией стражников (дьяконы, псаломщики, церковные старосты, хоругвеносцы, члены церковных советов и т. д.)»²⁷. И всю эту церковную армию патриарх направлял против революции, против Советской власти. Только от имени собора Тихон подписал 16 антисоветских посланий и воззваний к духовенству и верующим. К их чис-

²¹ Рукописный отдел МИРА, ф. 4, оп. 1, ед. хр. 65, л. 13.

²² Там же.

²³ П. А. Красиков. На церковном фронте. М. 1923, стр. 288.

²⁴ «Журнал Московской патриархии» («ЖМП»), 1944, № 12, стр. 58.

²⁵ «Русская православная церковь». Издание Московской патриархии. М. 1959, стр. 7.

²⁶ «Русская православная церковь и Великая Отечественная война». Сборник церковных документов. М. 1943. стр. 34.

²⁷ И. Степанов. О живой церкви. М. 1922, стр. 7.

лу необходимо присовокупить и личные послания и воззвания, которые носили откровенно контрреволюционный характер. «Эта агитация,— как справедливо отмечал журнал «Революция и церковь»,— носила далеко не случайный характер; наоборот, это была целая система, направленная к срыву завоеваний Октябрьской революции, сеть, которую искусно ткали патриаршие послания и указы из Москвы и нити которой благодаря сохранившейся организации духовенства расходились далеко по провинциальным углам»²⁸.

Уже в специальном послании от 11 ноября 1917 г., то есть через шесть дней после избрания патриарха, собор дал оценку Великой Октябрьской социалистической революции, назвав ее «бедствием», и призвал массы к «покаянию», к возвращению «на путь христов». Вскоре после этого с посланием к «преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всему православному народу» обратился и сам патриарх. Извещая о вступлении «на священный престол патриарший», Тихон в послании давал оценку Великому Октябрю. Показывая довольно откровенно свое отношение к революции, он писал: «В годину гнева божия, в дни многоскорбные и многотрудные вступили мы на древнее место патриаршее», в дни, когда «гибельная смута» терзает «родину нашу»²⁹.

Антисоветской агитацией явилось и обращение патриарха к верующим по случаю нового (1918) года. В «новогоднем слове», сравнивая развернувшееся в России социалистическое строительство с «вавилонским строительством», Тихон писал: «Церковь осуждает такое наше строительство» — и пророчил ему ту же участь, какая постигла «замыслы Вавилонян»³⁰.

Антисоветскую агитацию вела центральная и местная церковная печать. Судя по тому, что писалось в «Прибавлениях» к руководящему церковному органу «Церковные ведомости» в статье «Народовластие (демократия)», «святых отцов» больше устраивало такое «народовластие», при котором «существует класс командующий... в государственных и общественных учреждениях», когда «те же командующие классы имеются в промышленных и торговых заведениях, на фабриках и заводах, у ремесленников и землевладельцев»³¹. С откровенной клеветой выступила церковь против социалистического учения и социализма, строительство которого начали трудящиеся Советской России под руководством Коммунистической партии. «Социализм,— писали «святые отцы»,— есть самая хитрая и опасная сеть дьявола, расставленная всему маловерному и колеблющемуся в вере христовой»³². Не забыли церковники выразить и свое резко отрицательное отношение к большевистской партии³³.

Контрреволюционная агитация церковников носила не только общий характер. Они активно выступали и против конкретных мероприятий и постановлений Советского правительства. Так, постановление Совнаркома о введении в Советской республике празднования 1 Мая, дня международной солидарности трудящихся, церковники встретили в штыки. Воспользовавшись тем, что день 1 мая 1918 г. приходился на среду, предшествовавшую пасхе, попы развернули усиленную агитацию, имевшую цель сорвать участие трудящихся масс в майских торжествах. Петроградский митрополит Вениамин в воззвании к верующим писал, что ни один православный не должен участвовать в революционном

²⁸ «Революция и церковь», 1919, № 1, стр. 7.

²⁹ «Церковные ведомости», 1918, № 1, стр. 1—2.

³⁰ «Прибавления к Церковным ведомостям», 1918, № 1, стр. 1—3.

³¹ «Прибавления к Церковным ведомостям», 1918, № 21—22, стр. 647—649.

³² «Прибавления к Церковным ведомостям», 1918, № 19—20, стр. 614—618.

³³ См. там же.

празднике³⁴. 7 апреля³⁵ Всероссийский церковный собор принял следующее постановление по поводу решения Советского правительства: «Всероссийский священный собор православной церкви, осведомившись о намерении Совета Народных комиссаров устроить 1 мая нового стиля политическое торжество с шествием по улицам в сопровождении оркестров музыки, напоминает верующим, что означенный день совпадает с великой средой. В скорбные дни Страстной Седьмицы всякие шумные уличные празднества и уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа. Посему, призывая всех верных сынов православной церкви в упомянутый день наполнить храмы, собор предостерегает их от какого-либо участия в означенном торжестве»³⁶. Постановление было отпечатано в виде листовок, которые раздавались верующим в храмах и на улицах. Вопреки призывам духовенства не выходить на демонстрации³⁷ рабочие и крестьяне Советской России торжественно отметили день международной солидарности трудящихся.

Собор выступил с воззванием против декрета Советской власти о земле, заявив, что крестьяне «насильно» «забрали себе церковную и частновладельческую землю, запахали самовольно причтовое поле, вырубали церковный или частновладельческий лес»³⁸. «Святые отцы» обращались к верующим: «Опомнитесь, христиане, немедленно возвратите церквам и частным владельцам награбленное у них, не касайтесь чужого!»³⁹. Тем же, «кто не повинуется этим велениям», они угрожали отлучением от церкви. В постановлении 5 декабря 1917 г. собор обязал все церковные должностные лица составлять описи «всего захваченного или передаваемого имущества», а также «особые акты с указанием лиц или учреждений, произведших захват имущества или требовавших их передачи...»⁴⁰. Судя по этому постановлению, духовенство рассматривало на скорое восстановление старых порядков и на сопутствующее ему возвращение церкви, как и другим собственникам, отнятых у нее революцией имущество.

Руководствуясь указаниями собора и патриарха, духовенство вело на местах борьбу против проведения в жизнь декрета о земле. Многочисленные факты антинародной деятельности церковников приводились на страницах печати тех дней. Так, в журнале «Революция и церковь» (1919, № 6—8) рассказывалось, как священники Дорогобужского уезда, Смоленской губернии, Бузулукского уезда, Самарской губернии, а также Костромской губернии «возбуждали крестьян против Советского правительства, требуя, чтобы крестьяне возвратили земли «исконным» владельцам, называя крестьян «грешниками-грабителями»⁴¹.

Подобные же факты приводил в своей работе, посвященной истории русской православной церкви, Н. Ф. Платонов, описывая, как петроградский митрополит Вениамин и консистория натравливали кулаков Шлиссельбургского уезда на крестьян, захвативших церковную землю. Причту и старосте пеллинской церкви было рекомендовано: «а) собрать общее приходское собрание; б) уяснить собранию, что так как забота о материальном содержании причта лежит всецело на прихожанах, то

³⁴ См. Б. Кандидов. Легенда о Христе в классовой борьбе. М. 1929, стр. 51—52.

³⁵ Все даты до 14 февраля 1918 г., когда в России был введен григорианский календарь, приводятся по старому стилю.

³⁶ См. Ем. Ярославский. О религии. М. 1957, стр. 19.

³⁷ «Прибавления к Церковным ведомостям», 1918, № 21—22, стр. 645.

³⁸ См. М. Попов. Церковь в годы реакции и революции. М. 1931, стр. 56—57.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ «Всероссийский церковно-общественный вестник», № 1, 3 января 1918 года.

⁴¹ См. «Революция и церковь», 1919, № 6—8, стр. 99.

они, прихожане, должны позаботиться об охране церковной земли»⁴². Примеры борьбы церковников против декрета о земле приводит и советский исследователь М. М. Персиц: в Нижнем Новгороде епархиальный съезд постановил опубликовать в своем печатном органе — нижегородском «Церковно-общественном вестнике» — воззвание к населению с призывом «восстать против отобрания церковных земель и другой собственности»⁴³.

Однако все попытки поднять народ против декрета были напрасны. Изданный в интересах широчайших масс крестьянства, он был поддержан ими. Больше того, там, где местные Советы по каким-либо причинам медлили с проведением его в жизнь, крестьяне сами вносили коррективы в деятельность Советов и конфисковывали земли церковных организаций. Многочисленные факты подобного рода сообщались в заявлении, поданном 4 мая 1918 г. членом собора Кузнецовым в Совнарком⁴⁴.

Духовенство проявило свою контрреволюционную сущность, ополчившись и против мирных предложений Советского правительства. Уже 11 ноября церковный собор объявил декрет о мире изменой родине⁴⁵. 17 ноября собор принял обращение к народу, в котором резко осуждались миролюбивые действия Советского правительства⁴⁶.

Когда же вопреки стараниям церковников мирные переговоры с Германией все же начались и германская делегация выдвинула грабительские условия мира, патриарх Тихон откликнулся на это посланием, в котором писал по адресу большевиков: «Горе той власти, которая довела русских людей до такого отчаяния»⁴⁷. Причем не на борьбу с германскими поработителями призывал патриарх верующих: «Пусть даже враг сильнейший и пленит на время ваши города и селения, вы примите сие как выражение гнева божия, на вас низведенного волею провидения за прошлое»⁴⁸. Он звал их выступить против Советской власти «под сенью церкви православной, под мощной защитой оружия веры»⁴⁹.

Как и представители всех эксплуататорских классов России, духовенство приветствовало германских захватчиков на советской земле.

Откликнулся патриарх Тихон непосредственно и на заключение Брестского мира 18 марта 1918 г. появилось его новое послание. «Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир», — писал патриарх, ибо, лживо утверждал он, мир отдает «народ и русскую землю в тяжелую кабалу»⁵⁰.

Так с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции руководящие круги церкви активно выступили на стороне белогвардейщины, ведя антисоветскую пропаганду, подстрекая верующих к активным контрреволюционным действиям, помогая материально и морально врагам Советской власти. Это лишний раз вскрывает все фарисейство церковников, которые, говоря о днях Октября, постоянно стремятся показать себя близкими народу, близкими Советской власти, поддержанной народом, и тем самым скрыть свою контрреволюционную и антинародную сущность, ярко проявившуюся в то время.

⁴² «Ежегодник» МИРА, 1961, № 5, стр. 217.

⁴³ См. М. М. Персиц. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М. 1958, стр. 144.

⁴⁴ См. там же, стр. 161.

⁴⁵ См. Б. В. Титлинов. Церковь во время революции. Птрг. 1924, стр. 103.

⁴⁶ См. там же.

⁴⁷ «Церковные ведомости», 1918, № 7—8, стр. 31—32.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ «Церковные ведомости», 1918, № 9—10, стр. 49—51.